

Юрий
БЕСПАЛОВ

ЛЮДМИЛА ЗЫКИНА:

ЛЮБИТЬ ТАК, ЧТОБЫ НЕБО ПАДАЛО И ЗЕМЛЯ ДРОЖАЛА...

Огромная армия поклонников Людмилы Зыкиной убеждена, что знает о своем кумире все или почти все. Однако ее близкие не без основания утверждают, что далеко не всегда она может излить душу даже перед самыми дорогими людьми. А эта черта, как считал Стендаль, присуща настоящей женщине. Именно поэтому все попытки журналистов и поклонников добиться от нее полной искренности терпят неудачу. Однако исключения из правил все-таки бывают. И вот тогда российскую примадонну нельзя упрекнуть в скрытности и скупости на сердечные откровения.

— **Согласились?**

— Ну вот еще! Да мало ли я кому нравлюсь? Главное, чтобы я любила. Да так, чтобы небо падало и земля дрожала.

— **Это безумие...**

— А почему нормальный человек не может быть влюблен как безумный? В любви всегда есть немного безумства, а в безумстве — толика здравого смысла. А потом, я хочу быть не только любимой, хочу быть понятой и находить в этом счастье.

— **Ваш друг, поэт Виктор Боков, когда увидел вас впервые, сразу определил: вы — человек влюбчивый...**

— Наверное, наружность и манеры действительно более выразительны, чем слова. Что касается любви, то нет преступления любить несколько раз в жизни и нет заслуги любить только один раз. Так получилось, что мои четыре мужа были моложе меня. Все они замечательные люди, в каждом я находила поддержку и понимание. Когда-то в Дели старый индус по руке нагадал мне, что разойдусь с мужем и еще много всего. Он оказался правдивцем, и противопоставить року было нечего. Но я ни о чем не жалею. К тому же я ревнива и всегда хочу одна владеть объектом любви: чтобы — мое и ничье больше.

С первым мужем мы, кстати, дружно жили. Прожили больше трех лет и разошлись по-хорошему. Виною тому была наша физиологическая несовместимость, что в семейной жизни немаловажно. Прошло почти три года, как объявился новый кавалер — фотокор журнала «Советский воин» Евгений Савалов. С Женей я пристрастилась к рыбалке. Удила рыбу на Истре, на Урале, на Оке под Тарусой, обожала и подледный лов. И пусть не так уж и богат был иногда улов, зато после дня, проведенного на снежной целине, чувствовала себя отдохнувшей, бодрой, легко дышалось, да и пелось всласть. И вдруг мне стали говорить, что в мое отсутствие — ритм гастролей тогда стал возрастать — повадился мой суженый навещать какую-то женщину. Я сначала не верила, но все оказалось правдой. Расстались. Третий муж, Володя Котелкин, преподавал иностранные языки. Человек эрудированный, интересный. Он многому научил меня и в искусстве, и в жизни. В 1972 году разошлись, сама не знаю почему. Так как-то получилось непонятно. Надо было перебороть себя, а я не смогла. Впрочем, дружеские отношения сохранились по сей день. С последним мужем, Виктором Гридиным, мы прожили 15 лет, создали прекрасный ансамбль «Россия», ставший академическим. Виктор был очень талантливым музыкантом. На гастролях в Афганистане подцепил гепатит, который перерос в цирроз печени, и в апреле 1997 года умер, хотя я сделала все, чтобы спасти его.

— **Борис Брунов рассказывал, что модницы просто сходили с ума от ваших нарядов, а одно необыкновенной красоты платье покорило даже парижских модельеров.**

— Было такое. Накануне поездки в США в 1972 году мне связали очень красивое

платье (но не «парижское») и спили черного цвета пальто с воротником из светлой норки, с вышитой спиной и отделанным под дубленку подолом. Творенья московских модельеров то и дело расхваливались в газетах, журналы публиковали цветные фотографии. А с пальто пришлось расстаться: его выпросила после одного из концертов одна нью-йоркская красавица, жена известного бизнесмена. Правда, перед самым отлетом в Москву она принесла взамен норковую накидку, в которой я вернулась домой. «Парижское» платье подарила одной нашей певице. Сама его мастерил. Помню, купила материал по пять рублей метр и за две ночи скроила, вышила на нем гроздь рябины и по подолу пустила большую кайму в ветках рябины. Удачно получилось.

— **Как писал Демокрит, отечеством для благородной души служит вся вселенная. Вам на Западе предлагали фантастические условия жизни. Почему вы не остались?**

— Не знаю, что говорил Демокрит, а вот Гейне вполне справедливо утверждал: чтобы любить Отечество, надо остаться в нем. И существует ли более сильное и более мучительное страдание, чем бегство из родной страны?

— **Поэтому эмигранты рыдали на ваших концертах?**

— Плачут не только эмигранты и не только поэты. И на Родине подобное случается довольно часто. Люди истосковались по песне. Выступая в городах Поволжья — зрители встают, пою за Уралом — то же самое. Недавно на одном из концертов какой-то ретивый слушатель засомневался: дескать, не поет ли Зыкина под фонограмму. Пришлось петь без микрофона. Результат меня не удивил: зал словно всколыхнулся от оваций.

— **Вы молитесь перед выходом на сцену?**

— У меня есть Николай Угодничек, я ему поклоняюсь с детства — это меня мама научила. Как ни посмотрю, она ему молится (икон у нас не было, она молилась на угол). В молодости, когда не хватало денег, я пела в церкви на Таганке. Бог мне всегда помогает, когда прошу. Посты я сознательно не соблюдаю. У меня обнаружили сахарный диабет, тут не до постов, хотя и перешла на овощные салаты.

— **А что это были за щи, которые привели в восторг Плисецкую и Щедрина? Вы вообще любите готовить?**

— Готовить очень люблю. А со щами вот как было. Зашла после репетиции к Щедрину, чтобы уточнить кое-какие детали в нашей совместной работе над его Поэторией. Их прислуги Кати в тот день не было, есть хотелось всем, и я быстро соорудила домашние щи из квашеной капусты. Хорошо бы к ним было подать кулебяку с гречкой, расстегаи с рыбой или ватрушку с творогом, но Майя и Родион и без них блестяще справились с моим творением.

— **Людмила Георгиевна, вы вне политики, но, наверное, задумывались над будущим России...**

— Самое главное, на мой взгляд, возрождение духовности. Беда еще и в том, что наши политические лидеры не имеют сами и не могут дать народу четкой программы действий. В политике, как я понимаю, все должно строиться и основываться на интересе народа, его благоденствии и благополучии, на потребности в общественном мире. Нет этого — нет и политики. Я исколесила мир вдоль и поперек и знаю: наш народ щедр, как никакой другой. Уверю вас, для нас нет ничего невозможного, мы бесконечны в способностях. Стоит лишь дать нашим людям перспективу — великое на земле российской свершится.

— **Людмила Георгиевна, за полвека работы вы столько раз выходили на сцену, исполнили столько песен, романсов, плачей, ораторий... Не надоело?**

— Что значит «надоело»? Такое даже во сне не может присниться! Пока жива и голосовые связки в порядке, ничто меня не остановит в стремлении выразить в песне все, что могу и умею. Она для меня — как объяснение в любви. Ее средствами не устаю признаваться в этом чувстве к своему народу, надеюсь, не промотавшему сил и не отчаявшемуся в стремлении возродить мощь и славу России.

— **Сейчас многие поп-звезды поют народные песни, но в эстрадной обработке. Как вы к этому относитесь?**

— Нормально. Но если вдруг я вижу наглое, совершенно беспардонное обращение с народной песней, уничтожающее ее первозданную суть, мне хочется исполнителям дать... как бы это помягче сказать, по физиономии или, говоря языком футбольных фанов, в табло. За рубежом никто не посмеет дописывать картины Рембрандта или Ван Гога, не станут искажать или подновлять многовековой эпос. У нас же любителей опошлить национальное достояние сколько угодно. Мы вообще под конец века научились чересчур вольно обращаться не только с песней. Я слышалась такого вранья о достойных людях, что оторопь берет.

— **О вас тоже не забывают.**

— Еще как! Чего только за долгую жизнь в искусстве я о себе не читала. Заметьте, за рубежом из сотен публикаций обо мне нельзя найти и одной, в которой были бы даже намеки на ложь или сплетни. А у нас? То Зыкину «из партии (в которой никогда не состояла) выгнали по семейным обстоятельствам», то «певица Людмила Зыкина скупил пол-Берлина во время вывода Западной группы войск из Германии», то «Зыкина готовится открыть собственный ресторан в Москве на свои средства», то «Зыкина вчера врезалась на «Мерседесе» в Спасскую башню». Вранье в иных печатных органах продолжается до сих пор. Как-то прочла заметку в одной столичной газете про то, как «обокрали нашу знаменитую певицу Людмилу Зыкину». Якобы, «по оперативной информации, деньги украл и истратил ее сын, а понятием по делу о краже оказался аж знаменитый кинорежиссер Михаил Ромм». Ничего похожего даже в помине не было, как не было у меня никогда сына и понятия Ромма. За несуществующую любовь к Косыгину мне перемывали косточки несколько лет подряд. Да уж, читать языками попусту мы наловчились.

— **Говорят, вашим именем пользовались проходимцы.**

— Несчетное число раз. В 60-х режиссер Московского театра массовых представлений Рахлин нашел женщину, похожую на меня. Новоявленная Зыкина, ничуть не смущаясь, появлялась с микрофоном в руке перед тысячами слушателей крупнейших городов страны. Сколько таких афер было — одному Богу известно. Последняя завершилась в Донецке. Кто-то взял с собой бинокли. Обнаружив обман, несколько мужчин подбежали к «заслуженной» и под оглушительный рев стащили с эстрады.

— **Ну ничего. Зато у вас в Новой Зеландии есть памятник...**

— Да, в Окленде. Но это скорее монолог с металлической пластинкой, на которой выгравировано: «Здесь в 1967 году была и пела знаменитая русская певица Людмила Зыкина». На этом месте я оставила своеобразный автограф — отпечатки ступней. В Канаде потомки духовоборов собирались построить в честь моих выступлений какой-то монумент...

— **В США и Канаде вы дали больше двухсот концертов?**

— Где-то около двухсот сорока. Если сложить все дни и месяцы, которые я там провела, получится больше года. До сих пор получаю письма от своих поклонников за океаном. Раньше они приходили пачками едва ли не из всех штатов Америки и провинций Канады. На конверте было написано только: «Москва. Людмиле Зыкиной».

— **А как насчет любовных посланий?**

— Таких много было. Многие и очень солидные представители сильного пола предлагали руку и сердце.

— **Правда ли, что в вас влюбился какой-то миллионер из Лос-Анджелеса?**

— Его звали Алик. Владелец крупных предприятий по производству шоколада. Черноволосый красавец. Наполовину еврей, наполовину украинец. На последнюю встречу приехал с охапкой цветов, сумкой, набитой шоколадом, и предложением выйти за него замуж. Говорит, нравиться — и все тут.